

Ж.В. Малецкая

-> 821.161.1

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА Н.Н. СТРАХОВЫМ РОМАНА И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ».

Статья отражает основные аспекты анализа Н.Н. Страховым романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». В ней отмечено, что в оценке произведения в достаточной степени проявилась почвенническая позиция Страхова, то есть, что он в полной мере приложил свои «эстетические начала» к роману Тургенева как к «частному случаю».

Ключевые слова: почвенничество, славянофилы, западники, нигилизм, теория, жизнь, фантом.

Article reflects the main aspects of the analysis of N.N.Strakhov of the novel of I.S.Turgenev «Fathers and children». This article says that in an assessment of work Strakhov's pochvennichesky position was sufficiently shown, that is that it fully put the «esthetic beginnings» to Turgenev's novel as to «special case».

Key words: pochvennichestvo, Slavophiles, Westerners, nihilism, theory, life, phantom.

Через двадцать лет после выхода романа И.С. Тургенева Н.Н. Страхов писал, что «Отцы и дети» были тем романом, «в котором в первый раз появилось слово нигилист, с которого начались толки о новых людях, и, словом, все дело получило определенность и общеизвестность. «Отцы и дети», конечно, самое замечательное произведение Тургенева – не в художественном, а в публицистическом отношении. Тургенев постоянно следил за видоизменениями господствовавших у нас настроений, за теми идеалами современного героя, которые складывались в передовых и литературных кружках, и на этот раз совершил решительное открытие, нарисовал тип, которого прежде почти никто не замечал и который вдруг все ясно увидели вокруг себя» [10,435].

Проблеме «новых людей» посвящены наиболее значительные статьи первого периода критической деятельности Страхова.

В январском номере «Эпохи» за 1865 год Страхов поместил заметку «Новые люди» [7,1-14]. Здесь он обращает внимание читателей и критиков на знаменательный литературный факт – появление целого ряда произведений о новых людях, или нигилистах. Между теми и другими он не делал никакого различия. «Первым начал дело чуткий Тургенев, который в своем Базарове задумал изобразить нового человека. Затем Писемский написал «Взбаламученное море», в котором по необходимому ходу дела являются и фигуры новых людей...» [12,575].

К этой же категории произведений Страхов относит роман «Что делать?» Чернышевского и «Некуда» Лескова. В этих произведениях все «вертится около одной точки, именно – образа нового человека; и если дело пойдет тем же порядком дальше, то нас ждет впереди, очевидно, еще немало романов того же рода» [12,575], – констатирует Страхов.

Критик считал возможность появления новых людей делом по меньшей мере сомнительным. Так как, по его мнению «люди всегда люди, природа человеческая остается одна и та же. И как бы кто ни гнул себя и ни ломал, эта природа всегда скажется, всегда рано или поздно заявит свои неизменные свойства». И вместе с тем Страхов отмечал, что нет дыма без огня, и расценивал интерес к людям нового типа со стороны многих писателей с «разной идейной ориентацией как некий общественный симптом, который критика не вправе игнорировать» [12,575].

Вопрос, по мнению Страхова, состоит в том, «имеют ли новые люди какой-нибудь определенный идеал, и если имеют, то в чем он состоит?» Страхов ставит задачу перед нашими «тонкими и проницательными критиками»: «уловить черты этого воздушного образа, столь долго занимавшего собою наших писателей и читателей. Образ воздушный, но в нем есть реальные черты, только измененные по законам преломления и отражения в воздушной среде»[12, 578].

И эта генеральная задача – «уловить черты этого воздушного образа», образа нового человека – решается самим Страховым в ряде статей. Это работы о романах И.С. Тургенева («Отцы и дети», 1862), Н.Г. Чернышевского («Что делать?», 1865) и Ф.М. Достоевского («Преступление и наказание», 1867).

Интересующая нас статья критика о романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» появилась в апрельской книжке журнала «Время» за 1862 год.

Анализ романа «Отцы и дети» является, по мнению исследователя В.В. Тихомирова, одним из наиболее значительных достижений Страхова-критика наряду с его анализом двух других «самых выдающихся произведений русской литературы 1860-х годов» – романов «Преступление и наказание» и «Война и мир». Во всех случаях оценки Страхова оказались «наиболее адекватными авторскому замыслу, и в то же время в них явно ощущается почвенническая тенденция самого критика»[4, 15]. О том, что страховская статья об «Отцах и детях» выражала «общую точку зрения почвенников на тургеневский роман»[1, 16], – пишет Н.А. Горбанев, что представление о романе, как его выразил Страхов, «по-видимому, было общим для деятелей «Времени»[6, 35], – отмечает в своей работе исследователь Н.Н. Скатов. И это совсем не случайно. В ранний период своей критической деятельности Страхов, находясь под влиянием почвеннических идей братьев Достоевских и всей редакционной концепции журнала «Время», еще декларативно не заявлял ни о своем «органическом нерасположении к нигилизму», ни о своих «славянофильских» склонностях.

Так, Ап. Григорьев, высоко оценив роман Тургенева за открытие «нигилизма» как жизненного «веяния» (в статье «Нигилизм в искусстве» (1862), увидел в базаровском отрицании всякого рода «обобщений» масштабный конфликт мировоззренческого порядка, выражение кризиса великих философских систем и наступления эпохи позитивизма с его культом «почастного познания»[3, 147-148].

Известно, что роман «Отцы и дети» привлек пристальное внимание Достоевского и он писал о нем Тургеневу. Тургенев считал этот отзыв лучшей критикой романа и наиболее глубоким его пониманием. Письмо Достоевского утеряно, об отзыве его мы можем судить лишь по косвенным свидетельствам, в частности, и по ответу Тургенева: «Вы до того полно и тонко схватили то, что я хотел выразить Базаровым, что я только руки расставлял в изумлении – и от удовольствия. Точно Вы в душу мне вошли и почувствовали даже то, что я не счел нужным вымолвить»[17, 358].

Можно восстановить основную идею отзыва Ф.М. Достоевского на основе хотя бы «Зимних заметок о летних впечатлениях», где он писал о «беспокойном и тоскующем Базарове», у которого «нигилизм» не исключал «великого сердца»[9, 107-108].

Этот отзыв Ф.М. Достоевского стал для И.С. Тургенева важным моментом в осознании того, что вышло из-под его пера. Именно после письма Ф.М. Достоевского с апреля 1862 года в суждениях И.С. Тургенева появляются такие слова о Базарове: «Я хотел сделать из него лицо трагическое – тут было не до нежностей... Смерть Базарова должна была, по-моему, положить последнюю черту на его трагическую фигуру»[17, 339].

В ответном письме Ф.М. Достоевскому И.С. Тургенев писал: «Я уж не говорю об упреках..., часто противоположных, делаемых Базарову, – никто, кажется, не по-

дозревает, что я попытался в нем представить трагическое лицо, – а все толкуют: за-чем он так дурен? Или – зачем он так хорош?»[17, 343].

В каком-то смысле это были ключевые слова о Базарове. Они многое объясняли и в самом герое (масштаб его личности, его трагическую судьбу) и в романе в целом (своеобразие его главного конфликта, соотношение Базарова и других персонажей).

Именно в этом ключе рассмотрен образ Базарова в статье Н.Н. Страхова о тургеневском романе: трагизм героя – вот что увидели Страхов и стоящий с ним тогда рядом Достоевский.

Страхов пишет о своем понимании особенностей тургеневского художественного таланта: «Тургенев, как уже давно известно, есть писатель, усердно следящий за движением русской мысли и русской жизни...», [11, 186] о взгляде на Базарова как на жизненное явление, органическое «веяние» жизни.

Здесь Страхов следует методу Ап. Григорьева, который в этом пункте был близок к методологии «реальной критики». Именно поэтому в споре между Антоновичем и Писаревым по вопросу о мере жизненности и типичности тургеневского героя критик целиком стал на сторону Писарева.

На главный вопрос полемики вокруг романа: «Есть ли в действительности такие люди как Базаров?» – Страхов отвечает утвердительно. При этом он ссылается на мнение Писарева: «Восторг г. Писарева вполне доказывает, что Базаровы существуют если не в действительности, то в возможности, и что они поняты г. Тургеневым по крайней мере в той степени, в какой сами себя понимают»[11, 189], апеллирует к его статье «Базаров»: «Базаров – представитель нашего молодого поколения; в его личности сгруппированы те свойства, которые мелкими долями рассыпаны в массах, и образ этого человека ярко и отчетливо вырисовывается перед воображением читателей»[12, 263].

«Система убеждений, круг мыслей, которых представителем является Базаров, более или менее ясно выражались в нашей литературе»[11, 187], – пишет Страхов, поясняя, что главными их выразителями были два журнала: «Современник» и «Русское слово».

Но самый главный и решающий аргумент критика – художественная реальность самого романа: «Разумеется, лучшее доказательство действительности Базарова есть самый роман; Базаров в нем так верен самому себе, так полон, так щедро снабжен плотью и кровью, что назвать его сочиненным человеком нет никакой возможности»[11, 186].

В этой связи критик обращает внимание на то, как Базаров поставлен в романе: «Базаровы, как скоро они стали действительно Базаровыми, не имеют никакой нужды оправдывать себя. Они не фантазмагория, не мираж: они суть нечто крепкое и действительное; им нет нужды доказывать свои права на существование, потому что они уже действительно существуют»[11, 199].

Страхов по достоинству оценил образ Базарова как подлинное художественное открытие писателя, который привел «к сознанию то, что еще не было замечено», показал «лицо новое, которого резкие черты мы увидели в первый раз»[11, 185].

Несмотря на то, что впоследствии отношение Страхова к Тургеневу и его детищу Базарову ужесточится, он будет писать о том, что Тургенев в «Отцах и детях» «метко, ясно, с плотью и кровью» выставил «на всенародные очи нигилизм»[13, 128], что он первым дал «имя и образ»[13, 133] нигилистам.

Критик высоко оценивает силу характера Базарова, его энергию, жизненность, подчеркивает объективность Тургенева в обрисовке героя и художественное мастерство писателя. «Однако положительная оценка личности Базарова сопровож-

дается в рецензии развенчанием базаровщины как нового явления в русском обществе»[15, 15], – отмечает В.В. Тихомиров. С его точкой зрения совпадает мнение Н.А. Горбанева: «Признание жизненности и типичности Базарова не означало, однако, положительной оценки системы убеждений «тургеневского героя», что влекло за собою неоднозначное отношение и к самому герою»[2, 138].

Многие исходные критические принципы Страхова, будучи приложены к роману Тургенева, обернулись своей сильной стороной. Так, понимание «органичности и полноты жизни позволили критику увидеть жизненность героя и то отношение, в которое вставал он к жизни в целом[6, 35]».

Страхов, отдавая должное уму и характеру Базарова, отвечает в общем верно на вопрос: на чьей стороне – отцов или детей? – находится в произведении художественный и идейный перевес. «... Глядя на картину романа спокойнее и в некотором отдалении, мы легко заметим, что хотя Базаров головою выше других лиц... есть, однако же, что-то, что в целом стоит выше Базарова. Что же это такое?.. Всматриваясь внимательнее, мы найдем, что это высшее – не какие-нибудь лица, а та жизнь, которая их воодушевляет... Общие силы жизни – вот на что устремлено его (Тургенева) внимание. Он показал, как воплощаются эти силы в Базарове, в том самом Базарове, который их отрицает... »[11, 210-211].

Представление о «вечном», «абсолютном» характере искусства позволило критику увидеть в романе смысл, рожденный своим, определенным временем, но далеко выходящим за его рамки: «Написать роман с прогрессивным или ретроградным направлением еще вещь нетрудная. Тургенев же имел притязания и дерзость создать роман, имеющий всевозможные направления... Он имел гордую цель во временном указать на вечное и написал роман не прогрессивный и не ретроградный, а, так сказать, всегдашний»[11, 208-209].

Острое ощущение национальной жизни позволило Страхову увидеть в Базарове не только общественное явление, социальный характер, но и национальный тип – ощущение, которое, очевидно, испытывали при восприятии Базарова Достоевский и сам Тургенев, сравнивавший, как известно, Базарова с Пугачевым. И в этом заключен оригинальный и сильный аспект страховского анализа как критика-почвенника. Самую силу отрицания искусства у Базарова как знамение времени Страхов возвел и в более общую степень: «Конечно, искусство непобедимо и содержит в себе неистощимую, вечно обновляющуюся силу; тем не менее веяние нового духа, которое обнаружилось в отрицании искусства, имеет, конечно, глубокое значение. Оно особенно понятно для нас, русских. Базаров в этом случае представляет живое воплощение одной из сторон русского духа. Мы вообще мало расположены к изящному... Восторженность и высокопарность нам не по нутру; мы больше любим простоту, едкий юмор, насмешку. А на этот счет, как видно из романа, Базаров сам великий художник»[11, 195]. В Базарове все идет к его сильной натуре, «он более русский, чем все остальные лица романа. Его речь отличается простотой, меткостью, насмешливостью и совершенно русским складом. Точно также, между лицами романа он всех легче сближается с народом, всех лучше умеет держать себя с ним».

Страхов очень глубоко понял именно трагическую сторону во взаимоотношениях Базарова с искусством. Цитируя статью Писарева, в которой тот рассматривает отрицание Базаровым искусства как непоследовательность, Страхов пишет как раз о последовательности Базарова, видит в этом не противоречивость Базарова, а его цельность и верность себе.

«Очевидно, Базаров смотрит на вещи не так, как г. Писарев. Г. Писарев, по видимому, признает искусство, а на самом деле он его отвергает, то есть не признает за ним его настоящего значения. Базаров прямо отрицает искусство, но отрицает его

потому, что глубже понимает его. Очевидно, музыка для Базарова не есть чисто физическое занятие, а читать Пушкина не все равно, что пить водку. В мелодии Шуберта и в стихах Пушкина он ясно слышит враждебное начало; он чувствует их всеувлекающую силу и потому вооружается против них»[11, 193].

По этому поводу И. Сухих, автор вступительной статьи к изданию «Роман Тургенева «Отцы и дети» в русской критике» пишет: «Некоторые черты базаровского характера объяснены Страховым точнее, чем Писаревым (прежде всего – отрицание искусства). То, что для Писарева было случайным непониманием, объясняемым индивидуальным развитием героя, оказывается для Страхова сущностной чертой характера нигилиста: «... Искусство всегда носит в себе элемент примирения, тогда как Базаров вовсе не желает примириться с жизнью. Искусство есть идеализм, созерцание, отрешение от жизни и поклонение идеалам; Базаров же реалист, не созерцатель, а деятель, признающий одни действительные явления и отрицающий идеалы»[11, 194].

При таком, несомненно, идеалистическом понимании роли искусства Страхов тем не менее сумел дать достаточно адекватную интерпретацию этой стороны тургеневского образа»[14, 13].

Совершенно другой точки зрения придерживается Н.А. Горбанев. Мысль о том, что «отрицательное отношение Базарова к искусству критик объяснял не тем, что тургеневский «нигилист» не знал и не понимал его, а, напротив, каким-то особенно глубоким пониманием искусства и его «всеувлекающей силы» Н.А. Горбанев считает неверной, а все суждения Страхова на этот счет «неточными»[2, 141], что, по нашему мнению, является совершенно справедливым.

Отметив своеобразие «Отцов и детей» как романа, «весь интерес которого заключается в разнообразных столкновениях «новых воззрений» Базарова, вывезенных из Петербурга, с воззрениями других лиц», Страхов попытался доказать, что Базаров является при этом «истинным героем, несмотря на то, что в нем нет, по видимому, ничего блестящего и поражающего»[11, 201]. Но тем не менее к нему приковывается внимание читателя, и все другие лица начинают вращаться около него, как около главного центра тяжести. Базаров везде, «где появляется, возбуждает самое сильное внимание, составляет главный предмет чувств и размышлений, любви и ненависти»[11, 201].

Страхов пытается доказать также – и здесь он вступает в спор с демократической критикой в лице Писарева – что односторонние и уязвимые взгляды Базарова на природу, поэзию и науку – не случайные, наносные черты нового типа, а вытекают из его сущности; что все его отрицания прямо соотносятся с идеями «Современника» и «Русского слова»: «Трудно сомневаться, что отсюда, из этих чисто теоретических и отвлеченных проявлений известного образа мыслей взят Тургеневым склад ума, воплощенный им в Базарове... Он дал плоть и кровь тому, что явно уже существовало в виде мысли и убеждения. Он придал наружное проявление тому, что уже существовало как внутреннее основание»[11, 187].

Однако не только и даже, пожалуй, не столько содержание мысли Базарова, сколько самая духовная структура его личности, в которой доминировали аскетизм, рационализм и «теоретизм», служила для Страхова свидетельством его ущербности, несостоятельности перед лицом жизни и обреченности. По мнению критика, Тургенев изобразил жизнь под мертвящим влиянием теории; он дал нам живого человека, хотя этот человек, по-видимому, сам себя без остатка воплотил в отвлеченную формулу [11, 204].

Базаров-теоретик, напоминающий в этом отношении всех так называемых «лишних людей» – героев русской литературы от Онегина до Лаврецкого, оказав-

шихся в разладе с реальной действительностью. Базаров – «человек теории, и его создала теория», Базаров – теоретик, он человек, чуждый жизни, то есть он сам чуждается жизни – таков тот главный угол зрения, под которым в статье рассматривается и оценивается тургеневский герой.

Этот теоретизм вносит трещину в цельную натуру Базарова; теория и жизнь борются в нем самом: «...При всей резкости и деланности своих проявлений, Базаров человек вполне живой, не фантом, не выдумка, а настоящая плоть и кровь. Он отрицается от жизни, а между тем живет глубоко и сильно»[11, 204].

Отчуждение от жизни кладет тень между Базаровым и другими людьми, придает фигуре героя мрачность.

В конечном счете, Базаров – теоретик, который в романе как подлинно трагическое лицо «возвеличен настолько, насколько ему свойственно величие»[11, 211].

Трагический финал романа, в котором Базаров проходит испытание смертью, окончательно раскрывает перед читателем масштаб личности героя. Именно во второй части герой тургеневского романа становится тем «беспокойным и тоскующим Базаровым» – («признак великого сердца»), о котором говорил Достоевский, и по мощи и глубине мыслей и чувств, по своей судьбе становится подлинно трагическим лицом.

По мысли Тургенева, высказанной в письме к Случевскому, «смерть Базарова должна была ... положить последнюю черту на его трагическую фигуру. А Ваши молодые люди и ее находят случайной!»[17, 341].

В романе смерть героя мотивирована психологически (он выбит из колеи любовной драмой и случайно заражается тифом от пореза пальца), однако главный ее смысл – социально-исторический и философский.

В том и другом смысле смерть Базарова как подлинно трагического героя включает в себе элементы необходимости, неизбежности и действительно является героической: «Умереть так, как умер Базаров – все равно, что сделать великий подвиг»[5, 281].

В то же время трагический финал романа заключал в себе и более общую и масштабную мысль, будучи связан с кругом тургеневских идей философского характера.

В философском плане картина смерти Базарова возвышается в романе до глубокого символа, к сложному смыслу которого наиболее близко приблизился Н.Н. Страхов. По Страхову, финал романа органично завершает цепь испытаний героя: испытание искусством и природой, испытание любовью, наконец, испытание смертью: «Смерть – такова последняя проба жизни, последняя случайность, которой не ожидал Базаров».

И хотя в этом случае герой оказывается бессилён, поражение лишней раз свидетельствует о его нравственной силе: «...хотя Базаров величественно проходит по сцене, торжествующий, поклоняемый, уважаемый, любимый и оплакиваемый, есть, однако же, что-то, что в целом стоит выше Базарова... Выше Базарова – та сцена, по которой он проходит. Обаяние природы, прелесть искусства, женская любовь, любовь семейная, любовь родительская, даже религия, все – живое, полное, могущественное, – составляет фон, на котором рисуется Базаров»[11, 208-209].

С Базаровым сурово обходится «та самая природа, внутренний смысл которой он игнорировал и которая в свою очередь игнорирует его цели и планы»[8, 727-728], – отмечает Ю.М. Лотман.

О многозначном смысле смерти Базарова, в которой есть и случайность и необходимость, и героизм и поражение прекрасно сказал в своей лекции о тургеневском романе В.В. Набоков: «Базаров умирает со спокойным мужеством, как на поле

боя, но в уходе его есть что-то от поражения, вполне созвучное общему настроению покорности судьбе, которое окрашивает все творчество Тургенева»[4, 148]. С этими набоковскими словами вполне созвучна мысль Страхова о том, что Базаров «побежден не лицами и не случайностями жизни, но самую идею этой жизни»[11, 211], опровергнут не оппонентами в споре, а жизнью, разлитой в произведении, всем поэтическим содержанием и строем романа.

По мнению Н.А. Горбанева, «своеобразным идейным центром страховского разбора «Отцов и детей» являются следующие слова: «Базаров отворачивается от природы; не корит его за это Тургенев, а только рисует природу во всей красоте. Базаров не дорожит дружбою и отрекается от романтической любви; не порочит его за это автор, а только изображает дружбу Аркадия к самому Базарову и его счастливую любовь к Кате. Базаров отрицает тесные связи между родителями и детьми; не упрекает его за это автор, а только разворачивает перед нами картину родительской любви. Базаров чуждается жизни; не выставляет его за это автор злодеем, а только показывает нам жизнь во всей ее красоте. Базаров отвергает поэзию; Тургенев не делает его за это дураком, а только изображает его самого со всею роскошью и пронизательностью поэзии»[11, 210].

Базаров сломлен, но не побежден в схватке со смертью, Базаров побежден жизнью – в такой двуединой формуле можно выразить итог страховского анализа романа Тургенева. Для критика важно и то, и другое: «Такая идеальная победа над ним, говорит он о Базарове, – возможна была только при условии, чтобы ему была отдана всевозможная справедливость... Иначе в самой победе не было бы силы и значения»[11, 211].

Именно поэтому «как реквием герою» звучит финал страховского разбора романа. «Базаров – это титан, восставший против своей матери-земли; как ни велика его сила, она только свидетельствует о величии силы, его породившей и питающей, но не равняется с матернею силою»[11, 211].

Критик считает одной из основных авторских мыслей в романе идею всеобщего примирения. Сама «жизнь человеческая», по его мнению, опровергает умозрительные построения, которыми руководствуется Базаров. Тургенев стоит за вечные начала человеческой жизни, за те основные элементы, которые могут бесконечно изменять свои формы, но в сущности всегда остаются неизменными: «Общие силы жизни – вот на что устремлено все его внимание»[11, 211].

Но следует отметить, что весь круг суждений Страхова о Базарове-теоретике, о коллизии между его мировоззрением и натурой и, наконец, о несостоятельности его перед жизнью не является простым наложением на роман излюбленной почвенниками оппозиции «жизнь – теория» и чем-то чуждым идейно-художественному содержанию «Отцов и детей».

Напротив, критик довольно близко подходит и к авторскому замыслу, и к объективной художественной мысли романа. Но именно эта близость выявляет либеральную (пока еще только либеральную) ограниченность его позиции.

Таким образом, мы видим, что в оценке романа «Отцы и дети» в достаточной степени проявилась почвенническая позиция Страхова, то есть, он в полной мере приложил свои «эстетические начала» к роману Тургенева как к «частному случаю».

В целом же статья Страхова выражала общую точку зрения почвенников на тургеневский роман. Возможно, поэтому она осталась в наследии Страхова самой цельной, стройной и критически точной из всего написанного им.

Много лет спустя в «Воспоминаниях о Федоре Михайловиче Достоевском» Страхов напишет о том, что «среди тогдашних непрерывных разговоров и споров» много раз ему приходилось доказывать «разным нигилистам, что если они хотят

быть последовательными, то должны держаться именно тех мнений, какие исповедует Базаров, герой Тургенева», и о своей статье, в которой «превозносился Тургенев, как чисто объективный художник, и доказывалась верность изображаемого им типа»[10, 435].

Литература:

1. Горбанев Н.А. Литературная критика Н.Н. Страхова. Махачкала, 1988.
2. Горбанев Н.А. Н.Н. Страхов об «Отцах и детях» // Внутренняя организация художественного произведения. Махачкала, 1987.
3. Григорьев Ап.А. Эстетика и критика. М., 1980.
Литература
4. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М., 1999.
5. Писарев Д.И. Базаров // Литературная критика: В 3 т. Л., 1981. Т. 1.
6. Скатов Н.Н. Критика Николая Страхова и некоторые вопросы русской литературы XIX века // Русская литература. 1982. № 2.
7. См. :[Страхов Н.Н.]. Заметки летописца. Январь // Эпоха. 1865. № 1.
8. См.: Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // О русской литературе. Спб., 1997.
9. См.: Тюнькин К.И. Базаров глазами Достоевского // Достоевский и его время. Л., 1971.
10. Страхов Н.Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1990.
11. Страхов Н.Н. И.С. Тургенев. Отцы и дети // Литературная критика. Спб., 2000.
12. Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма. 1861-1865. Спб., 1890.
13. Страхов Н.Н. Последние произведения Тургенева (1871) // Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом. Спб., 1885.
14. Сухих И.Н. Тургенев, Базаров и критики // Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике. Л., 1986.
15. Тихомиров В.В. Николай Николаевич Страхов // Литература в школе. 2005. № 10.
16. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.-Л., 1962. Т. 4. Письма.
17. Тургенев И.С. Собр. соч.: В 12 т. М., 1958. Т. 12.